

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI 10.37386/2305-4077-2023-1-170-182

И. А. Швед¹

*Центр изучения Беларуси в Аньхойском университете,
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина*

ОДИНОЧЕСТВО В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ НА МАТРИМОНИАЛЬНУЮ ТЕМАТИКУ (НА МАТЕРИАЛЕ БРЕСТЧИНЫ)²

В статье на локальном материале Брестчины анализируется фольклорно-песенная интерпретация одиночества и сопутствующих ему чувств, в контексте актуализации определенных культурных императивов и жанровых сценариев, связанных с браком и последующей семейной жизнью, рассмотренной, главным образом, с позиции проблематизации включения в нее молодой невестки. Основное внимание уделено свадебным песням, необрядовой лирике и балладам на матримониальную тематику, моделирующим трансформационный процесс лирической героини (обрядового персонажа) с помощью таких концептуальных кодов, как акциональный, локативный, орнитологический, символов изоляции-ограждения, метаморфозы и включения в новую группу. Рассмотренные фольклорные тексты (в семиотическом значении) выступают своеобразным языком, нередко единственно легитимизированным традицией, посредством которого в реальных коммуникативных ситуациях ее «носители» артикулируют состояние одиночества, изоляции девушки-невесты и молодой замужней женщины и связанные с ним социально-психологические проблемы и такие чувства или состояния, как тоска, уныние, обездоленность, опустошенность, страх, безысходность, страдание.

Ключевые слова: фольклор, песня, одиночество, изоляция, идентичность

I. A. Shved

*Center for Belarusian Studies, Anhui University
Brest State A. S. Pushkin University*

LONELINESS IN THE SONG FOLKLORE ON MATRIMONIAL THEMES (ON THE MATERIAL OF BREST REGION)

The article analyzes folklore-song interpretation of loneliness and accompanying feelings in the context of actualization of certain cultural imperatives and genre scenarios related to marriage and subsequent family life, which is considered mainly from the position of problematization of the young daughter-in-law inclusion in it. The main attention is paid to hymeneal songs, non-

¹ Инна Анатольевна Швед – доктор филологических наук, руководитель Центра изучения Беларуси в Аньхойском университете, профессор кафедры русской литературы и журналистики Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования РБ – № 20211451.

ceremonial lyrics and ballads on matrimonial themes, which model the transformation process of the lyrical heroine (ceremonial character) with the help of such conceptual codes as action, locative, ornithological, as well as using symbols of isolation-fencing, metamorphosis and inclusion of neophyte into a new group. The considered folklore texts (in their semiotic meaning) act as a peculiar language, often the only one legitimized by tradition, through which in real communication situations its «bearers» articulate the state of solitude, isolation of a bridegirl and young married woman, as well as related social and psychological problems and such feelings or states as longing, dependency, destitution, desolation, fear, hopelessness, suffering.

Key words: folklore, song, loneliness, isolation, identity

Современная фольклористика не может оставаться в стороне от так называемого «аффективного поворота», связанного с герменевтикой и рецептивной эстетикой, интерпретацией фольклорных текстов и практик в их разносторонних корреляциях с «общими чувствами», эмоциональным опытом, особенностями переживания различных, в том числе травматичных, ситуаций конкретными «носителями» традиции и ее современными интерпретаторами. В нынешнем социально-культурном дискурсе, в том числе в контексте миграций и сложившейся эпидемиологической обстановки, все более актуальными становятся вопросы социальной изоляции и различных видов одиночества, которые, как известно, далеко не всегда могут иметь позитивный эффект, а, наоборот, причиняют эмоциональный и психологический ущерб, чреватые негативными последствиями для здоровья и выживания человека.

Фольклорные традиции располагают паттернами для интерпретации состояния одиночества и связанных с ним чувств, эмоций, для моделирования поведения человека при их появлении в перспективе важных для фольклорного сознания ценностных ориентиров, «социального проекта». Несмотря на возможную универсальность человеческих механизмов восприятия, его модусы и способы моделирования «картины мира», используемые для этого коды социокультурно специфичны. Более того, можно предположить, что различные жанры конкретной фольклорной традиции задают неидентичные сценарии, включающие опыт одиночества, способы его предупреждения и изживания. Поэтому этот многогранный и динамичный опыт необходимо рассматривать в контексте определенных жанров и видов фольклора конкретной локальной традиции. Богатым эмпирическим материалом в этом плане являются белорусский песенный фольклор на матримониальную тематику. Но, несмотря на довольно широкую концептуализацию одиночества в таких фольклорных песнях (в активной либо пассивной форме по сей день представленных на Брестчине), а также на актуальность проблематики, связанной с одиночеством как многоаспектным социокультурным феноменом, фольклорно-песенная интерпретация одиночества и сопутствующих ему чувств на отмеченном материале пока не была предметом специального фольклористического исследования.

В отношении белорусского песенного фольклора, поэтически осмысляющего проблему одиночества и изоляции, фольклористами обнародованы лишь некоторые, самые общие наблюдения, сделанные в связи с решением иных иссле-

довательских задач. В частности, художественная концептуализация некоторых аспектов одиночества (главным образом, обусловленного сиротством, вдовством (с доминантами обездоленности и отверженности, «а я ж нікому цяпер ні нада», – причитает вдова), уходом из родного дома самого человека либо всех его родственников, неразделенной любовью) в белорусской фольклорно-песенной традиции затрагивались в работах, посвященных необрядовой поэзии [Пазаабрадавая паззія, 2002], семейно-обрядовой поэзии, в первую очередь, похоронным причитаниям [Фядосік, с. 310–311], а также календарно-обрядовой поэзии, в частности, осенним песням [Ліс, 2001, с. 464–510], и некоторым другим жанрам белорусского фольклора.

В данной статье предпринята попытка на локальном полевом и архивном материале рассмотреть вербальную составляющую песенного фольклора, артикулирующую различные оттенки одиночества и связанные с ним чувства, эмоции, в контексте актуализации определенных культурных императивов и жанровых сценариев, относящихся к браку и последующей семейной жизни.

Объект исследования – песни, зафиксированные автором и студентами БрГУ имени А. С. Пушкина в ходе полевой работы в Брестской области в 2000-е годы (абсолютное большинство исполнителей – женщины старшего возраста, жительницы села), в также архивные³ и некоторые опубликованные тексты песенного фольклора и другие виды устных высказываний (повествования биографического типа, описания обрядов, толкования событий, оценочные суждения) XX – начала XXI вв. Анализ материалов производится, главным образом, с позиций структурно-функционального и прагматического подходов, направленных на раскрытие социокультурных особенностей явлений культуры (коими являются и фольклорные песни), прагматики и законов их развития.

В теоретическом плане для данного исследования важно научное положение о том, что довольно стабильные фольклорные формы выступают инструментом вербализации различных чувств или состояний членов группы. Иными словами, фольклор предлагает универсальный в рамках данного сообщества (и вместе с тем жанрово специфичный) язык (в семиотическом значении), с помощью которого «носитель» традиции может артикулировать свои состояния и чувства, сделав их доступными для понимания членами группы. «Готовый» язык особо важен для вербализации такого универсального, и вместе с тем тяжело поддающегося определению и улавливанию в «понятийные сети», чувства или состояния, как одиночество, а также соотнесенных с ним различных негативно оцененных состояний или чувств. Вербализовать такие состояния и чувства молодой невестки, не прибегая к фольклорным формам, в патриархальной традиции было вообще затруднительно. Эвристически ценным для исследования артикуляции одиночества в песенном фольклоре видится и научная идея о том, что певческая

³ Полевые материалы хранятся в фольклорно-этнографическом архиве лаборатории «Фольклористика и краеведение» (далее – ФА) Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

традиция не просто отражает состояния (или чувства) человека, но в большой степени определяет восприятие ее «носителями» этих состояний (либо чувств), в том числе одиночества, более того, она их моделирует, порождает. Если рассмотреть исполнение соответствующих песен как форму ритуала, то можно увидеть, что оно переводит индивидуальные чувства в формы социальной связанности и осмысленную повествовательность, как это убедительно показал С. А. Ушакин на материале военного шансона [Oushakine, 2011].

Различные фольклорные формы, в частности, *обрядовая лирика, похоронные, свадебные, рекрутские причитания*, а также необрядовые песни, в частности, баллады на матримониальную тематику, могут интерпретироваться в категориях символической коммуникации, перформенса, идентификационных моделей (базирующихся на традиционных гендерных, возрастных и некоторых других оппозициях) и социальных стратегий, посредством которых деконструируется прежняя идентичность члена сообщества и конструируется новая. Как справедливо отмечает С. Б. Адоньева, причитание, в частности похоронное, «создает вербальную оболочку противоречия, которое возникло между реальной жизнью и ее социальной «проекцией». Противоречие должно разрешиться социально – изменением социальной позиции, и психологически – через преобразование внутреннего пространства переживающего переходную ситуацию. Посредством посвятельного ритуала, через опыт горя и освоение новой, полученной в нем речевой модели, факт внешней реальности становится фактом личной судьбы» [Адоньева, 2004, 239]. Свадебный ритуал также обеспечивает двусторонний процесс обучения-приобретения новой идентичности. В его рамках с помощью свадебных песен и причитаний невеста, которую «радница і з чужою чужиною, / І з чужою да староначкой, / І з людскою ды гамоначкой» (ФА; Пинковичи Пинского р-на), вводится в новую для нее социальную роль. В памяти жительниц Брестчины сохранились соответствующие ритуальные практики. Так, согласно записи из д. Вяз, «женщины пели песни эти свадебные. Они все на один мотив. И невесту забирала уже. Потанцевали, садили за стол и опять родственники жениха. И ўжо невесту адорвали. И почему-то уже как начинали плакать! И невесту разжалобят, что невеста воет, плачет» (ФА; Пинский р-н). Также «плакала и выла» мать невесты. Эта ситуация представлена в песнях типа: «Сядзела дзевачка за сталом, / Цяклі яе слезкі ручаем. / На яе мамка пазірала, / Ды як боб слезы раняла: / – Як я цябе, дзіцятка, гадала, / Як боб, слезы раняла» (ФА; Новоселки Ляховичского р-на). В опустевшей в результате разлуки с дочерью хате, «здесь и сейчас» свадебный хор предлагает матери: «Розганяйся, маці, // Да по всёй хаці, // То ў кут, то ў куточок, // Головою об прыпечок» (ФА; Теребежов Столинского р-на). Мать и дочь одинаково сильно переживают разлуку, и в том месте, где это происходит, текут реки слез. На обращенный к дочери вопрос матери, когда ее ждать в гости, невеста (свадебный хор от имени героини) отвечает межжанровой формулой: «Ой, тогды я, мамко, / К тебе буду ў госці, / Як поросце травічанька, / Траўка на помодзі». Но травка растет и вырастает такой большой, что даже склоняется, а мать никак не может дождаться дочери и плачет-«журыцца» (ФА; Мочуль Столинского р-на).

В фэйклоре так называемых советских сельских свадеб эта же ситуация разлуки моделируется в совсем ином – мажорном – ключе, и в иных категориях. Так, в песне «Піце гарэліцы, госцейкі, піце, / Слаўную Ганначку нашу любіце» два колхоза, породнившиеся посредством брака-свадьбы своих молодых членов, будут часто гостить друг у друга, а новая семья мужа будет любить и славить невестку за то, что она «першай з брыгадай ўставала» (ФА; Нарутовичи Березовского р-на).

В традиционном ритуале прежняя идентичность девушки-невесты «умерщвляется» (в свадебных песнях настойчиво повторяется то, что она больше не может гулять с холостой молодежью, плести с подружками веночки, водить хороводы и приходиться по своему желанию в отчий дом, с порогом и другими значимыми элементами которого она должна попрощаться, и т.д.), знаки этой идентичности разрушаются либо передаются младшей девичьей группе, которая «провождает своего члена в новую жизнь». Именно в этих терминах женщина 1946 г.р. из д. Богдановка повествует о собственном опыте невесты: сразу после просватанья в ее родительском доме подружки «як гулялі, мэнэ тогді ужэ проважалі, бо всі булі подружкы в мэнэ. Мы тогді всэ ужэ отметілі, тогді мэнэ ужэ *проважалі так в эту жызнь*» (ФА; Луинецкий р-н). После переживания безстатусного состояния «молодую» с помощью песен настраивают на усвоение новой идентичности в подчеркнуто чужом доме среди чужих людей, т.е. в семье мужа. Во многих песнях, звучащих уже на свадьбе, моделируется отчужденность, одиночество, изоляция молодой невестки. В связи со сказанным показательно так называемые свадебные песни сироты. В песне из д. Подлазье сирота – «по определению» одинокий человек, переживший травматичную утрату родителя или обоих, – просит прибыть на свадьбу брата и говорит, что злая мачеха «ужо замуж прагнала, / Каб я ў маладосці гора зазнала, / У сямейку чужую / Прагнала мяне. / І горка мне будзе ў чужой старане» (ФА; Ляховичский р-н). Т.е. отчужденность сироты в доме злой мачехи (тем не менее считающемся своим) – это еще не так страшно, в сравнении с таковой в подчеркнуто чужом для молодой женщины доме свекров. В одной из песен на вопрос матери: «Ці добра, дзіця, між чужых людзей?» молодлица отвечает: «Ці ела, мамка, рэдзьку з палыном? Так жа мне, мамачка, між чужых людзей... / Лічаных кускоў накусалася, / Дробенькіх слезак напівалася» (ФА; Подлесье Ляховичского р-на) – см. также паремии матримониальной тематики с образом горькой редьки: «Гурка рэдька, да идят, кепско замужом, да йдуть» (ФА; Нивы Березовского р-на), «Лепей горкую рэдзьку есці, як з нялюбым за стол сесці» (ФА; Кремно Дрогичинского р-на).

В фольклорных песнях, как известно, состояние и чувства героя часто описываются посредством акционального и локативного кодов, т.е. то, что герой делает, что с ним делают и где он находится, соответствует его состоянию и переживаемым чувствам, эмоциям. В связи со сказанным характерны песни на брачную тематику, согласно которым девушка-невеста в переходном состоянии одинока – оторвана от своей семьи и всего социального и физического мира, локализована на камне в море. Связи, обеспечивающие включенность девушки в родительскую семью и единство последней, обрываются, иницируемая в своих

взываниях о помощи к родным обречена на коммуникативную неудачу (с позиции этик-подхода): ни «мамочка-нэбога», ни «таточка-нэбога» не реагируют на ее просьбы и не снимают девушку с камня в море, который отделен крутыми берегами от «стабильной суши» бывшей жизни неофита (как и положено в рамках переходного ритуала, т.е. с точки зрения эмик-подхода). Срабатывают только обращение к милому и его жалость – он выводит девушку из этого состояния изоляции и беспомощности, чтобы в ходе трансформационного процесса включить ее в новые семейные связи в другом месте «суши»: «...У нэдыльку ранэнько на зорэ / Шчэбятала ластоўка на морэ: / – Я на білым камушку сэдла, / Я ў крутоі бэрожкэ дэвэлася, / Чэ нэ ідэ мілэнькэ вэчорком. / – А мілэнькэ, мілэнькэ-нэбога, / Знэмэ мэнэ з камушка з білога. / У мэлого жалостэ і ўсёго мнэго – / Він зняў мэнэ з камушка з білога» (ФА; Суличево Дрогичинского р-на). Характерно, что схема адресации этой песни подобна схеме причетного «высказывания»: «обращение к какому-либо лицу, причем это всегда те лица, статусные отношения с которыми должны измениться в результате ритуала (1), определение позиции этого лица в отношении говорящего (невесты) (2), побуждение к действию (3), указания на себя в качестве объекта этого действия (4) [Адоньева, 2004, с. 256]. Такие тексты обоих жанров позволяют выделить в одиночестве неофита взаимосвязанные дезорганизирующее и адаптивное начала.

Названные коды – акциональный и локативный – используются и для песенной акцентации идеи трудности процесса интеграции молодежи в семью мужа: «молодая женщина одна стоит под окном и вытирает слёзы рукавом», «вся семья мужа садится ужинать, а одну невестку отправляют далеко за водой» (широко известен мотив: «Молоду молодыцу / Послали по водыцу. / Она заплакала, / Як бэроза закапала» (ФА; Плотница Столинского р-на)) и под. Реакцией молодежи на ее отторжение семьей мужа является угнетенность, уныние, безнадежность. Согласно таким песням, пока молодница идет за водой, за слезами не видя дороги, и зачерпнув в далеком источнике полведра воды, другую половину доливает слезами, вся родня милого шумит, уча его водку пить, жену бить и волю ей не давать. Пока невестка принесла воды «веселая семейка» отужинала, а милый ходит по дому и говорит: «Чом воды ны грыеш / И ложычок ны маеш, / Билу постэль ны стэлэш, / Мэнэ спаты ны кладэш?» Молодница «ложычки помыла, / Билу постиль послала, / Всю слёзами облыла» (ФА; Высокое Березовского р-на). Именно вынужденный поход одинокой молодежи за водой (ср. отправку самого младшего ребенка за водой в инициационных мотивах потешек типа «Сорока-ворона кашку варила...») обостряет ее страдание и стремление получить поддержку со стороны своего рода. Обычно посредством медиативности гидрологического объекта происходит коммуникация между разлученными свадебным ритуалом дочерью и матерью, но, согласно песням, во-первых, общение face-to-face невозможно, а во-вторых, названная коммуникативная цель адресанта не может быть достигнута. Лирическая героиня простит перевозчиков переправить ее домой, но они ее не слышат, в отличие от отозвавшейся на зов дочери матери («Ой, пуйду я, мулудая, / Тай ду мора пу воду. / – Мулудую, пэрэвэзь мэнэ, / Пэрэводчык, ду роду. /

Ны пучулы пэрэводы / Пусэрэдыны мора, / Но пучула моя маты / Ну той бык далі мора»). На жалобы дочери мать отвечает: «Не плач, доню, нэ журыся, / Бо такая твоя доля». Молодица же упрекает мать за то, что она, не глядя на красу («стан, вроду») дочери, отправила ее в невыносимую замужнюю жизнь. Мысли об обиде, отторжении, неприязни, унижении молодой женщины со стороны родни мужа, что может усугубляться его пьянством и изменой, имеют разрушительный эффект, и единственным выходом несчастной в браке женщине видится следующий: «Завяжы мні, моя мамце, / Хоть бы хусткою вочы, / Выды мэнэ ўтопы жэ, / Хоть бы тэмнэ ночы» (ФА; Леплевка Брестского р-на). Культурный императив «вышедшая замуж женщина должна смириться со своей тяжелой долей» вкладывается в уста матери и в других, подобных приведенной, песнях. В связи с рассматриваемой темой необходимо отметить и мотивы жнивных песен, согласно которым непринятая в мужеву семью невестка предпочитает физическое одиночество, вплоть до ночевки в поле, например: «Не пайду я дадоманьку, / Буду ў полі начаваці, / Дзеля свекра сварлівага, / Дзеля мужа бітлівага. / Свекар будзе паджыгаці, / А муж будзе падбіваці» (ФА; Березки Ляховичского р-на).

Несмотря на то, что традиция вменяет невесте называть свекровь матерью и это происходит уже в рамках свадебного ритуала, в песнях констатируется «общеразделяемое»: чужое дитя родным стать не может («По садочку ходю, конычэнька воду, / Чэрэз рідну матэр нэжонатый ходю. / Чэрэз рідну матэр, чэрэз рідны сёстры, / Нэ могу до сэбэ Марусю прывэсты. / Прывэзлы Марусю, стала ў куточку: / – Прымы, прымы, маты, за рідну дочку. / – *Шчэ так нэ бувало, в кнігах нэ пысало, / Шчоб чудэе дытя за ріднэе звало*)» (ФА; Плотница Столинского р-на)), см. также паремию: «Курьца – не птушка, нявестка – не дачушка» (ФА; Кремно Дрогичинского р-на). Видимо, исходя из этого культурного императива, от имени родителей невесты в свадебных песнях звучат просьбы (подкрепленные богатым даром) к зятю и его родне типа: «Ны бый, зятю, дочкы, дам тобі чытыры бычкы, / Пятую тылушычку, шостую ярушычку. / Сватынько, наша пташынько, помоўчы, / Нашу Галёчку молодэньку навучы, / Шчоб ны стояла тэмною ночкою под окном, / Шчоб ны ўтырала горкы слезонькы рукавом, / Шчоб ны була комірочка за хату, / Шчоб ны була сусідочка за матку». На оконцовке таких текстов голос свадебного хора может формулировать единственно возможный рецепт от травматичной для невестки изоляции и одиночества – это лояльность новому роду, в первую очередь свекрам и мужу. В ответ на приведенные слова партии невесты от имени жениховой родни озвучивается «правильный» поведенческий сценарий молодежи: «Як она добра будэ, то і ій добрэ будэ. / До сусідок ны ходытымэ, / Свёкроўку ны судытымэ, / Свікроўку поважатымэ, / Колёчку цыловатымэ» (ФА; Семеховичи Пинского р-на). Одиночество молодой невестки в свекровом доме может усугублять и отношение к ней собственной родни. Так, в некоторых свадебных песнях от имени рода невесты поется, что он не оставит ее в одиночестве на «чужине» и будет часто приезжать в гости, но такой сценарий разворачивания событий возможен только в случае, если она разбогатеет: «Калі будзеш, наша сястрыца багата, / Не забудзе ўся родзінка, дзе хата, / Калі будзеш гараваць, /

Будзе цябе ўся родзінка забываць» (ФА; Брест, переехала из д. Мотевичи Лидского р-на Гродненской обл.).

Сформулированная паремией «Брат любит сестру богатую, а муж жену здоровую» идея обыгрывается в песнях о том, как повзрослевшие и создавшие свои семьи брат и сестра, имеющее различное материальное положение, не общаются. Частотен мотив «вдова со своими детками – нежеланная гостья, обуза семье брата», например: «Там у полі дошч густэнькі – / Брала вдова лён дрыбнэнькі. / Ёй прысныўся сон дывнэнькі, / Шой захворыў брат роднэнькі. / Трэба коня заседлаты, / До братіка поіхаты. / Заежае под оконцэ: / – Выйды, выйды, браттэ-сэрцэ. / Як брат сэстру зауважыў, / До мілоі свэі кажэ: / – Хувай хліб до стола, / Бо ійдэ сэстра мая. / Ой, а я тое пучула, / Назад коня завэрнула. / – Ой, стой, браття, нэ лякайся, / Своім хлібом нэ ховайся. / Есть у мэнэ хліб на возе, / Будэ обід у дорозе. / Есть у мэнэ тэрнынонька, / Будэ убід і вэчэронька» (ФА; Леплевка Брестского р-на).

Вопрос о том, что субъективно переживает главный персонаж ритуала, который как неофит (невеста, овдовевшая женщина или новобранец, которого провожают в армию), неспособный изменить ситуацию либо состояние бытия (сидя на камне среди моря, согласно приведенной выше песне), вынужден, отказавшись от своей агентивности, умереть для прошлой жизни, остается открытым. По нашим полевым наблюдениям, такие переживания и чувства были сильными – они легко актуализируются при исполнении определенных текстов, в том числе песенных. Так, женщины довоенных годов рождения, свадьбы которых, приходясь на 1940–1950-е годы, давно прошли, исполняя песни о разрыве связи с родным домом и одиночестве молодой женщины в доме мужа (как и одиночестве пожилой женщины в доме сына с невесткой или вообще об изгнании из дома), нередко не могут сдержать слёз. Отметим, что до наших дней во множестве вариантов в активном бытовании сохранилась баллада «Дочь-птица». Духовная активность ее художественной формы включает исполнительницу и ее аудиторию в общий традиционный лиро-эпический комплекс смыслов и «общих чувств», делая всех соучастниками балладного действия. По этой причине пение нередко прерывается плачем исполнительницы, поющей о себе и о женщинах, разделивших подобный опыт, и поэтому плачущих также, как это делает безвозвратно оторванная от родного дома вышедшая замуж молодая женщина, представленная в орнитологическом коде: «І песні е, такіе, шо як маты пошла... тое это, дочка замуж пошла, о. І вона пошла замуж, о, а маты сказала, шоб до мэнэ і нэ прыезжала. Ну і: “А вона до того нэ стэрпэла – зозулею стала, / І на колэні сіла і сталá куваты, / Чы нэ почуе рідна маты. / Матэнка почула, так стала казаты: / – Сынку, возьмі ручныцю // І забі зозольцю. / Няхай вона ны куе, / Зеленого саду мні нэ псуе! / Сын узеў ручныцю і почэў стрыляты, / А до яго зозулька стала прымовляты: / – Не бей, братыку, я твоя сестрынька, / А ты мой рідны братык. / – Як ты сестрынька, то ійдэ дохаты, / А як зозолэця, то іды в ліс куваты. / І прышла сестрынька, у порозе стала / І на маму зглянула і плакаты стала” [плачут исполнительница и присутствующая соседка]» (ФА; Леплевка Брестского р-на). Как на материале популярных песен (военного

шансона) показал С. А. Ушакин, структурная схема, в которой эмоции высвобождаются, переживаются и передаются, заключается в следующем: повторение клише провоцирует его интересубъективное признание, которое, в свою очередь, облегчает совместное принятие [Oushakine, 2011].

О чем эта песня, как и приведенные выше тексты? Среди прочего, о социальном и межличностном одиночестве молодой женщины, «переход» которой из одного состояния в другое не завершен: она в рамках свадебного обряда была «оторвана» от родительского дома (в том числе в значении ‘семья’), а процесс «включения» ее как «своей» в дом (семью) мужа за год не завершился, плодотворный союз индивидуальностей не сложился, новая идентичность не сформировалась полностью – на это, согласно многим балладам, требуется семь лет, например, с мотивом метаморфозы одинокой в доме мужа невестки в птицу: «Міла маты дочку, дочку отданочку, / Отдавала замуж в чужу стараночку. – А як отдавала, той прыказувала, / Шчоб до ей в госці сім літ нэ бувала. / Дочка нэ сцірпіла, за рык прыліцала, / Зозулэю стала і на калыні сіла...» (ФА; Леплевка Брестского р-на) (безусловно, необходим учет фактора символизма чисел в фольклоре). Такое неприятие, одиночество, если процесс пойдет «правильно» и молодлица будет «терпелива», можно охарактеризовать как временное – «несколько лет». Женщине придется, «набравшись ума», «смирившись с долей», перестать жаловаться, протестовать, метаться и остаться в семье мужа: «Ой, дай жэ, Божэ, / Ныдількы дождаты. / Ці нэ прыйдэ моя маты / Мэні довідаты. / Ніділька мінае – / Маты ны бувае. / Сушыть-крутыть сэрэдынку – / Ныхто ны відае. / Шчоб я мала крыльцы, / Соколовы вочы, / Польшыла б до матэнькі / Тэмменькіе ночы. / Зайшла б до матэнькі, / Сіла б на порозы, / Польшыся у матэнькі / Дробнэнькі слэзы. / – Ой, годь, мамо, / Гіркі слэзы лыты, / Порадь мэні, мое мамо, / Як на світы жыты: / Чы мні гороваты, / Чы мні быдоваты, / Чы звязаўшы головоньку, / Усэй світ мандроваты? – Мандруй, доня, рочок, / Мандруй другый, / Як розуму набырэшся, / Назад пывырыныся» (ФА; Страдечь Брестского р-на). В таких песнях переживаемое невесткой тяжелое состояние, при котором «сушыть-крутыть сэрэдынку», своеобразно обосновывается и репрезентируется как временное, а сами песни выполняют адаптивную функцию, выступая как действенная связующая сила в создании малой группы и поддержании ее целостности.

В заключение отметим, что женщины старшего поколения не воспринимают позитивно современные свадебные песни, музыку-«бумканье» и танцы (которые, по их мнению, и танцами нельзя назвать: этим скачкам и кривляниям не надо учиться, в отличие от сложных и красивых традиционных), как и их детям и внукам не нравятся традиционные свадебные песни. В частности, женщина 1960 г.р. рождения говорит: «Когда я уже в школу ходила, начинали женщины петь песни свадебные. А нам, молодым, не нравилось. Нам уже хотелось чего-нибудь современное. А они начинают на одну и ту же мелодию. И одна моя подруга говорила: “Ну все, бабы уже завели свою песню: ‘Келе-меле-пепе-пе, ой, келе-меле-пепе-пе...’”» (ФА; Вяз Пинского р-на). Вообще, повествуя о том, что раньше жили хоть беднее, но веселее, наши старшие собеседницы

часто вспоминают практики обрядового и необрядового пения, танцев, вечерок («Дэ музыка заграе, і вжэ ж тупаеш ногамы, а тэпэрэчка тупаю з кыём <...> а мэнь як артiстку старую [смеется], то всё прыглашають шэ на празднікэ, о... Часом зб'юцца пісню волоцогэ [фольклорная група, ездзячая выступаць] нашэ, а я подтягну йім», – говорит женщина 1935 г.р. из д. Хмелево Жабинковского р-на).

Итак, рассмотренные фольклорные тексты (в семиотическом значении) выступают своеобразным языком, нередко единственно легитимизированным традицией, посредством которого в реальных коммуникативных ситуациях ее «носители» артикулируют состояние одиночества, изоляции девушки-невесты и молодой замужней женщины и связанные с ним социально-психологические проблемы и такие чувства или состояния, как тоска, уныние, обездоленность, опустошенность, страх, безысходность, страдание лирической героини (или обрядового персонажа). Представленные в песенном фольклоре модели одновременно репрезентируют социально-психологическую реальность и используются для конструирования этой реальности, эксплицитно или имплицитно содержат «коллективное знание» о факторах одиночества и стратегиях его преодоления, и о предлагают модель «превращения» девушки-невесты в женщину, в соответствии с социокультурно детерминированным образом последней. Проявление того, каким образом взаимодействуют система социальных отношений и «фольклорная модель» одиночества и соответствующая ей феноменология события, т.е. определение «социальной семантики» (по К. Гирцу) одиночества, определения особенностей «перспектив вовлеченных индивидов» (В. Крапанзано) на материале текстов различных фольклорных жанров, в которых тем либо иным способом опыт одиночества организуется, формализуется и предъясняется с некой интенцией), может стать целью специального исследования. Но уже сейчас проведенный анализ песен на матримониальную тематику (с учетом опыта включенного наблюдения при их записи) позволяет экстраполировать выводы С. А. Ушакина, сделанные на материале военного шансона, о том, что такие песни функционируют как аффективный медиум, связывая воедино эмоции, знаки и (вокальную) телесность, обеспечивая завершенную и повторяющуюся структуру. Эту подчеркнутую исследователем способность популярной песни скреплять аффективное, символическое и социальное [Oushakine, 2011] можно констатировать и в отношении песен на рассмотренную тематику. Они не просто изображают отторжение и одиночество человека (молодой невестки в семье мужа), возможные межличностные и социальные противоречия, но, с одной стороны, драматизируя напряженность, с другой стороны, являются средствами поддержания и укрепления чувства общности малой группы и состояния динамического равновесия между отношениями в локальном сообществе. Для песенного моделирования состояния женского персонажа важны локативный, акциональный, орнитологический коды, которые, среди прочего, транслируют комплекс идей, связанных с его одиночеством-лиминальностью: «изоляция-ограждение – метаморфоза – включение в новую группу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адоньева, С. Б.** Прагматика фольклора / С. Б. Адоньева. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та: Амфора, 2004. – 312 с.
- Олслон, Л.** Миры русской деревенской женщины: Традиция, трансгрессия, компромисс / Л. Олслон, С. Адоньева. – Москва: НЛЮ, 2016. – 440 с.
- Гура, А. В.** Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. В. Гура. – Москва: Индрик, 2012. – 936 с.
- Геннеп, А.** Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. / А. Геннеп. – Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.
- Круглов, Ю. Г.** Мудрость и поэзия народной свадьбы / Ю. Г. Круглов // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба. – Москва: Художественная литература, 2001. – С. 5–18.
- Теплова, А. С.** О феномене сиротства в русском фольклоре на примере свадебных песен и причитаний / А. С. Теплова // Научный вестник Московской консерватории. – 2017. – № 3 (30). – С. 94–115.
- Ямагучи, Р.** Трансформация статуса невесты в русских свадебных обрядах / Р. Ямагучи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 211–213.
- Гурскі, А. І.** Тайны народнай песні / А. І. Гурскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – 160 с.
- Ліс, А. С.** Восеньская каляндарная лірыка, яе тыпалогія і паэтыка / А. С. Ліс // Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка / Навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. навука, 2001. – С. 464–510.
- Пазаабрадавая паэзія** / А. І. Гурскі, Г. А. Пятроўская, Л. М. Салавей; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. Навука, 2002. – 564 с.
- Песенны код каравайнага абраду Брэстчыны:** сб. науч. статей «Gdze bje źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi» / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Zygalova. – Lublin; Wisznice, 2015. – С. 145–155.
- Фядосік, А. С.** Адметнасці пахавальнай і памінальнай абраднасці беларусаў / А. С. Фядосік // Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / Навук. рэд. К. П. Кабашнікаў. – Мінск: Бел. навука, 2001. – С. 346–363.
- Швед, І. А.** Беларускае традыцыйнае вяселле / І. А. Швед // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV – пачатку XX ст. кн. 2. Духоўная культура / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – С. 345–441.
- Швед, І. А.** Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры / І. А. Швед; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст: БрДУ, 2019. – 289 с.
- Швед, І. А.** Вянчанне як чыннік беларускага традыцыйнага вяселля / І. А. Швед // Вучоныя запіскі Брэсц. ун-та імя А. С. Пушкіна: зб. навук. прац; у 2 ч. – Брэст, 2016. – Вып. 11, ч. 1: Гуманіт. і грамад. навукі. – С. 126–145.

Швед, І. А. Новая беларуская народная балада: сюжэтна-тэматычны склад і паэтыка / І. А. Швед // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна: зб. навуковых прац. Брэст, 2009. – Вып. 5, ч. 1. – С. 41–53.

Oushakine, S. A. 'Emotional Blueprints: War Songs as an Affective Medium', in Steinberg, M. D. and V. Sobol (eds.) *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011. – P. 248–276.

REFERENCES

Adon'yeva, S. B. Pragmatika fol'klora / S. B. Adon'yeva. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Speterb. un-ta: Amfora, 2004. – 312 s.

Olson, L. Miry ruskoj derevenskoj zhenshchiny: Tradiciya, transgressiya, kompromiss / L. Olson, S. Adon'eva. – Moskva: NLO, 2016. – 440 s.

Gura, A. V. Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: semantika i simvolika / A. V. Gura. – Moskva: Indrik, 2012. – 936 s.

Gennep, A. Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov / Per. s franc. / A. Gennep. – Moskva: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1999. – 198 s.

Kruglov, Yu. G. Mudrost' i poeziya narodnoj svad'by / Yu. G. Kruglov // Mudrost' narodnaya. Zhizn' cheloveka v russkom fol'klore. Vyp. 4. Yunost' i lyubov'. Svad'ba. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 2001. – S. 5–18.

Teplova, A. S. O fenomene sirotstva v russkom fol'klore na primere svadebnyh pesen i prichitanij / A. S. Teplova // Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii. – 2017. – № 3 (30). – S. 94–115.

Yamaguchi, R. Transformaciya statusa nevesty v russkih svadebnyh obryadah / R. Yamaguchi // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i social'nye nauki. – 2014. – № 4. – S. 211–213.

Гурскі, А. І. Тайны народнай песні / А. І. Гурскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – 160 с.

Ліс, А. С. Восеньская каляндарная лірыка, яе тыпалогія і паэтыка / А. С. Ліс // Беларускі фальклор: жанры, віды, паэтыка / Навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. навука, 2001. – С. 464–510.

Пазаабрадавая паэзія / А. І. Гурскі, Г. А. Пятроўская, Л. М. Салавей; навук. рэд. А. С. Фядосік. – Мінск: Бел. Навука, 2002. – 564 с.

Песенны код каравайнага абраду Брэстчыны: сб. науч. статей «Gdze bije źródło... Pieśni ludowe pogranicza Polski i Białorusi» / red. F. Czyżewski, A. Dudek-Szumigaj, M. Zygalova. – Lublin; Wisznice, 2015. – С. 145–155.

Фядосік, А. С. Адметнасці пахавальнай і памінальнай абраднасці беларусаў / А. С. Фядосік // Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / Навук. рэд. К. П. Кабашнікаў. – Мінск: Бел. навука, 2001. – С. 346–363.

Швед, І. А. Беларускае традыцыйнае вяселле / І. А. Швед // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. Т. 3. Культура сяла XIV – пачатку XX ст. кн. 2. Духоўная культура / А. І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – С. 345–441.

Швед, І. А. Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры / І. А. Швед; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст: БрДУ, 2019. – 289 с.

Швед, І. А. Вяччанне як чыннік беларускага традыцыйнага вяселля / І. А. Швед // Вучоныя запіскі Брэсц. ун-та імя А. С. Пушкіна: зб. навук. прац: у 2 ч. – Брэст, 2016. – Вып. 11, ч. 1: Гуманіт. і грамад. навукі. – С. 126–145.

Швед, І. А. Новая беларуская народная балада: сюжэтна-тэматычны склад і паэтыка / І. А. Швед // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна: зб. навуковых прац. Брэст, 2009. – Вып. 5, ч. 1. – С. 41–53.

Oushakine, S. A. ‘Emotional Blueprints: War Songs as an Affective Medium’, in Steinberg, M. D. and V. Sobol (eds.) *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011. – P. 248–276.